

Изобразительный девиз Екатерины Великой и русская культура второй половины XVIII — нач. XIX в.

228

Екатерина II, как кажется, была единственным из российских монархов, кто имел своеобразную личную эмблему, продолжая европейскую традицию эпохи Ренессанса и раннего Нового времени. Такие эмблемы, сопровождавшиеся текстуальными девизами, в историографии нередко называют «изобразительными девизами», а в XVI–XVII вв. именовали «импрезами». Некоторые из них приобрели очень широкую известность в культуре, как, например, сияющее солнце (с ликом Аполлона) Людовика XIV, во второй половине XVIII века использовавшееся также прусским королём Фридрихом Великим. Свой «девиз» Екатерина описала в письме к Вольтеру от 11 августа 1765 года:

«Правда, что мы не понимаем многого, что нам приходит с запада. Мы удивляемся, с одной стороны, при чтении произведений, которые приносят честь человеческому роду, и при виде, что ими так мало пользуются на пользу других. Моим девизом — пчела, которая, перелетая с одного растения на другое, собирает мёд для своего улья, и притом надпись: полезное»¹.

Иными словами, пчела на цветах, собирающая мёд для улья — символ пользы (и, прежде всего, пользы для общества) — стала личной эмблемой Екатерины.

По мнению выдающегося историка ювелирного искусства Лилии Константиновны Кузнецовой (1945–2015), создание этой эмблемы было связано с планировавшимся императрицей в 1765 г. придворным праздником — конными состязаниями, т. н. «каруселем» (это слово употреблялось тогда в мужском роде), который, правда, был перенесён и состоялся летом 1766 г.² Основанием к этому, действительно, казалось бы, служит всё то же письмо Вольтеру, в котором в предыдущем абзаце есть такие

¹ Сборник Русского Исторического общества. Т. 10. СПб., 1872. С. 38.

² Кузнецова Л. К. Петербургские ювелиры. Век восемнадцатый, бриллиантовый... М., 2009. С. 326–327.

слова: «Я была бы очень довольна видеть вас присутствующем на моём каруселе, хотя бы даже вам пришлось перерядиться в неизвестного рыцаря» (приглашение, разумеется, носило этикетно-риторический характер). Однако собственно описание «девиза» в письме находится вне всякой связи с упоминанием карусели и включено совсем в иной контекст — пользы от чтения различных сочинений, в том числе и произведений самого адресата. Так что личная эмблема императрицы могла существовать и ранее того времени, когда она была упомянута в этом письме.

Вольтер, впрочем, отозвался на «девиз» Екатерины стихами, которые приведём в переводе М. И. Антоновского (1759–1816):

«Пчела, конечно, полезна!
Ее любят и боятся;
Смертным она благо творит,
Воском их освещает, медом питает;
А дар ея, всем нравится,
Отнюдь не излишним кажется.
Минерва, вселенне Покровительница,
Невежд всегда научала;
Над Марсом быв победительница,
Мир устроивала;
Когда она оспоривая красоту,
Яблоко желала получить,
Тогда Парис поколебался;
Но Ахилл верно бы в ея пользу спор решил.

229

Всемилолюбивейшая Государыня!

Простите, Ваше Императорское Величество! что сии стихи не хороши; благодарность не всегда бывает красноречива. Ежели девиз Ваш есть пчела, то Вы имеете ужасной величины улей; он обширнейший на земном шаре; а имя Ваше и благодеяния всю вселенную слухом наполняют»³.

Как видим, в этих стихах Вольтер не только говорит о пользе пчелы, но и обращается к другому, хрестоматийному образу императрицы — Минерве. А в самом письме уже использует пчелу не в качестве метафоры пользы, но улей и пчелиную семью как метафору государственного устройства (также весьма устойчивый топос).

Визуальное воплощение «девиза» императрицы можно увидеть на разных памятниках екатерининского царствования, о которых, в частности писал один из крупнейших историков искусства и геральдистов Сергей Николаевич Тройницкий (1882–1948)⁴.

В том же 1765 г., которым датируется письмо Вольтеру, было создано Вольное Экономическое Общество, первое научное общество в России.

³ Переписка российской императрицы Екатерины Вторья с г. Волтером, с 1763 по 1778 год. Ч. I. Перевел Михаил Антоновский. СПб., 1802. С. 8–9.

⁴ Тройницкий С. Н. «Девиз» императрицы Екатерины Второй // Старые годы. Март 1915. С. 35–37.

В качестве своего символа оно использовало «девиз» императрицы, взявшей общество под своё покровительство. 31 октября 1765 г. Екатерина писала, обращаясь к его членам:

«План и устав ваш, которыми вы друг другу обязались, Мы похваляем и в согласие того Всемилостивейше апробуем, что вы себя наименовали Вольным Экономическим Обществом. Извольте быть благонадежны, что Мы оное приемлем в особливое Наше покровительство. Для испрашиваемой же вами печати не токмо дозволяем вам употреблять во всех случаях при ваших трудах герб Наш императорский, но и в знак отличного Нашего к вам благоволения, дозволяем внутри оного поставить собственный Наш девиз, пчелы, в улей мед приносящей, с надписью «Полезное»»⁵.

Таким образом на печати общества изображение импрезы Екатерины заняло место на груди императорского двуглавого орла, подобно тому, как в государственном гербе это место занимало изображение Георгия Победоносца. Такое явление не было уникальным — например, в 1735 г. Анна Иоанновна утвердила печать петербургской Академии наук, где также на груди орла в картуше было помещено изображение — Паллады, традиционного символа мудрости и знания. Образ же Георгия Победоносца на груди орла в допетровской России воспринимался как образ светского всадника, «ездеца» — государя, победившего «змия». То есть изображение на груди орла в государственном гербе первоначально символизировало самого российского монарха — так и личная эмблема императрицы заняла то же самое символическое место, как бы продолжая старое понимание того образа, который находился в центре геральдического символа государства.

230

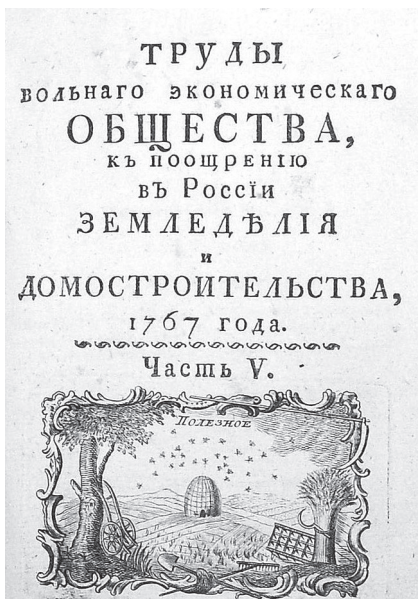

Илл. 1. Жетон Вольного
Экономического Общества, аверс

Илл. 2. Жетон Вольного
Экономического Общества, реверс

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XVII. СПб., 1830. С. 373, № 12502; *Ходнев А. И.* История Императорского Вольного Экономического Общества с 1765 до 1865 года. СПб., 1865. С. V–VI.

Илл. 3. Титульный лист Трудов Вольнаго Экономическаго Общества, 1767 г.

Илл. 4. Титульный лист Трудов Вольнаго Экономическаго Общества, 1810 г.

На аверсе золотых и серебряных жетонов Вольнаго Экономическаго общества (медальеры — Тимофей Иванов и Самойла Юдин) помещался профильный портрет Екатерины, а на реверсе — композиция, представляющая розу, над цветком которой летает пчела, а в отдалении стоит улей. Надо всем надпись — «Полезное»⁶. Здесь, как видим, пчела соотносится с розой, с которой собирает нектар, и одновременно изображён улей, куда «мёд и приносится» (илл. 1, 2).

На титульном листе Трудов Общества помещалась виньетка с изображением разного рода сельскохозяйственных орудий у дерева и снопа, но в центре вновь помещён улей с летающими вокруг него пчёлами на поле. Над ульем — та же надпись «Полезное» (илл. 3, 4). Здесь изображён только улей с множеством пчёл, но цветы (и, прежде всего, роза) отсутствуют⁷.

В своей статье С.Н. Тройницкий упоминает и золотые круглые и длинные прорезные фишки для карточной игры в реверси, хранящиеся в собрании Эрмитажа, на которых также изображены «розы», пчела и улей. Всего существовало несколько комплектов таких предметов, которые находятся в настоящее время частично в коллекции Эрмитажа, а частично в собраниях Государственного Исторического музея и Музея «Московский Кремль». Эрмитажный набор предметов сделан из золота

⁶ Шукина Е. С. Медали Вольнаго экономическаго общества России в собрании Эрмитажа — <https://og.geraldika.ru/p/14529>.

⁷ Впоследствии изображение виньетки менялось.

и позолоченного серебра, а кремлёвский — просто из серебра. Комплекты состоят из корзиночек для игральных марок, а также самих круглых («фишки»), прямоугольных («жетоны») и длинных («контра») игральные марок, создание которых атрибутируется придворным петербургским мастерам⁸. Как установила Л. К. Кузнецова, их создателем был петербургский золотых дел мастер Йоганн Эренфрид Мейснер, работавший над ними в 1767–1769 гг.⁹ Изображения «девиза» Екатерины на этих предметах по детализации во многом зависит от их размеров. Однако это всегда роза или условные растения с пчелой над ними и ульем с правой стороны. В декоре корзиночек изображена даже не отдельная роза, а целый розовый куст. В целом же композиция аналогична той, что присутствует на жетонах Вольного Экономического общества. Здесь, впрочем, речь идёт о карточной игре при дворе, что показывает использование «девиза» императрицы в различных контекстах, связанных с её личностью.

Также, в собрании Галереи драгоценностей Эрмитажа хранится табакерка, украшенная эмалью, золотом и бриллиантами, на крышке которой в овальном медальоне помещено изображение улья слева и розы справа с роящимися вокруг пчёлами и той же надписью «Полезное» вверху. Табакерка датируется 1780 годом и сделана мастером Иоганном Готлибом Шарфом¹⁰.

В 1778 г. в Петербурге вышло издание «Российской Апофегмат, или Выпись из Наказа, данного Комиссии о составлении проекта нового Уложения», т. е. избранные статьи из екатерининского Наказа. На титульном листе был изображён улей с летающими вокруг него пчёлами в окружении розовых кустов и сидящий рядом читающий юноша (илл. 5). Пояснением к этому рисунку служили стихи:

Безвредны сохраня состав и вид и цвет,
И пищу сладкую произвели и свет;
Венчанна мудрость так, чрез неприметны действия,
Дает нам к счастью и к просвещенью средства.

Подобно тому, как пчёлы, не повреждая цветов, производят мёд, так и мудрость Екатерины, воплощённая в Наказе, исподволь способствует счастью и просвещению. Читающий юноша же развернул книгу с написанными на её листах словами: «Словеса твоя паче меда устом моим» — цитатой из Псалтыри (Пс. 118:103), опять-таки соотносимой с образом медоносной пчелы.

В 1784 году был основан административный центр Таврической области, созданной после присоединения Крыма к России — город Симферополь. Название города, образованное в соответствии с популярной тогда традицией использования греческого форманта — *полис* для новых городов Северного Причерноморья, буквально означает «город пользы».

⁸ Шанская Л. Н. Произведения мастеров Санкт-Петербурга XVIII века. Каталог собрания ГИКМЗ «Московский Кремль». М., 2022. №№ 159–164, с. 180–183.

⁹ Кузнецова Л. К. Указ. соч. С. 325–326.

¹⁰ Костюк О. Г. Галерея драгоценностей Эрмитажа. СПб., 2005. С. 24.

Илл. 5. Титульный лист издания «Российский Апофегмат», 1778 г.

Вряд ли можно сомневаться в том, что и в этом случае в выборе топонима сыграл роль личный «девиз» императрицы. Недаром, в потёмкинском проекте герба Симферополя 1784 года, который, впрочем, так и не был утверждён, говорилось: «Сие наименование означает — «город пользы», а потому герб его — улей с пчёлами, который имеет вверху надпись «Пользное»»¹¹. Как видим, этот проект и был буквальным воспроизведением екатерининской эмблемы.

Сам по себе «девиз» императрицы, конечно, восходил к традиции европейской эмблематики. Уже в знаменитых «Символах и Эмблематах», опубликованных в 1705 г. и переизданных в новом варианте в екатерининское время выдающимся деятелем медицины Н. М. Амбодиком-Максимовичем,

эмблема «Пчела на розе» имеет девиз «Не učinю ей никакого вреду» («Без вреда. Без обиды. Не делаю ей никакого зла»), а «Пчёлы в цветнике» — «Дабы прибыток от того получить» («Для пользы. Для получения оттуда прибытка»)¹². Разумеется, прототипы этих эмблем относятся к более раннему времени. Достаточно указать на эмблемы из фундаментального сборника Иоахима Камерария (1534–1598), изображающие пчёл на розовом кусте с девизом «Для пользы» («Чтобы извлечь выгоду») и пчёл на цветах с девизом «Без вреда»¹³.

Метафора же улья, согласно верному наблюдению Л. В. Никифоровой, играла важную роль и в символике дворцовых интерьеров XVIII столетия — знаменитой Янтарной комнаты, обустройство которой было закончено как раз при Екатерине в 1770 г.¹⁴ По мнению исследовательницы, существенными моментами в этом контексте были также традиционное сопоставление пчелиного улья (пчелиной семьи) и государственного

¹¹ *Надикта В. М., Ефетов Г. Б.* Симферополь — герб четвёртый и... последний? — <http://who-is-who.com.ua/bookmaket/simferopol2009/7/10/1.html>

¹² Эмблемы и символы / Вступ. ст. и коммент. А. Е. Махова. М., 2000. С. 148 (№ 307), 162 (№ 364).

¹³ *Camerarius J.* Symbolorum et emblematum centuria tres. [Leipzig?] Typis Voegelinianis, 1605. I. № LXVII; III. № XCI.

¹⁴ *Никифорова Л. В.* «Стены, текущи млеком и мёдом...». Янтарный кабинет Екатерининского дворца в Царском селе // *Никифорова Л. В.* Дворец в истории русской культуры. Опыт типологии. СПб., 2006. С. 131–138; *Она же.* «Метафора улья» и Янтарная комната в Екатерининском дворце Царского села // *Международный журнал исследований культуры.* № 4(9), 2012. С. 76–84.

устройства, а кроме того соотнесённость образа пчелиной матки и пчёл с образами государыни и её подданных.

Интересующие нас образы можно увидеть и в русской поэзии. Так, в ломоносовской «Оде... Государыне Императрице Екатерине Алексеевне» на новый, 1764 год есть такие строки (здесь и далее выделения в поэтических текстах мои):

Украсить тшась лице земное,
Ночную сокращает тень;
Она о подданных покое
Печется, ночь вмения в день.
Россiяне, народ послушной
Монархине великодушной,
Примером неусыпных пчел
В трудах Царице подражайте
И сладость счастья умножайте
Успехами полезных дел.

Здесь уже вполне очевидна отсылка к личной эмблеме Екатерины с её девизом «Полезное».

234

Семантика пчёл в русской поэзии того времени носила, конечно, более широкий и разнообразный характер¹⁵, но для нас важна устойчивая соотнесённость образа пчелы с пользой, фактически канонизированная Екатериной. Примечательно, что яснее всего она закрепилась в таком жанре как басня, предполагавшая обращение к животным и растительным символам. Польза пчелы ярко проявилась в русской басне уже начала XIX века, в творчестве И. А. Крылова. Так, в одной из его басен «Орёл и Пчела» (II, 14; 1811 г.) затрагивается тема общественной пользы и соотношения индивидуального и коллективного, воплощённая в образе пчелы:

Но сколь и тот почтен, кто, в низости сокрытый,
За все труды, за весь потерянный покой
Ни славою, ни почестями не льстится,
И мыслью оживлен одной:
Что к пользе общей он трудится.

...

Пчела отвечает: «Тебе хвала и честь!
Да прѣдлит над тобой Зевес свои щедроты!
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утешаюсь тем, на наши смѳтря соты,
Что в них и моего хоть капля мѳду есть».

Мотив пчелиной пользы звучит и в басне ««Пчела и Мухи» (VI, 13; 1817 г.):

¹⁵ См.: Довгий О. Л. Пчелиные уроки русской поэзии XVIII — первой трети XIX веков // Бестиарий антитез. RES et VERBA — 7. Тула, 2019. С. 34–60.

Кто с пользою отечеству трудится,
Тот с ним легко не разлучится;
А кто полезным быть способности лишён,
Чужая сторона тому всегда приятна...

И, наконец, тот же мотив общественной пользы, воплощённой в трудах пчелы, присутствует и в басне «Паук и Пчела» (VII, 8), впервые опубликованной в 1825 г. (сюжет её восходит к европейским источникам):

По мне таланты те негодны,
В которых Свету пользы нет,
Хоть иногда им и дивится Свет.

Так образы европейской эмблематики, взятые на вооружение Екатериной II, стали основой для устойчивых мотивов в русской поэзии.